

Чжан Юйпин, Лишманова Татьяна Евгеньевна

ОБ ИДЕЕ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ И ИНКЛЮЗИВНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

В данной работе рассмотрена идея эксклюзивности и инклюзивности говорящего применительно к русским односоставным глагольным предложениям, обоснована необходимость учета данной категории в исследовании семантики. Охарактеризованы семантическая неоднозначность и принципы разграничения предложений с неопределенным и с обобщенным субъектами неопределенно-личных предложений. Авторы статьи обращают внимание на необходимость специального изучения концепции эксклюзивности и инклюзивности говорящего.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 3. С. 178-181. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-11

В данной работе рассмотрена идея эксклюзивности и инклюзивности говорящего применительно к русским односоставным глагольным предложениям, обоснована необходимость учета данной категории в исследовании семантики. Охарактеризованы семантическая неоднозначность и принципы разграничения предложений с неопределенным и с обобщенным субъектами неопределенно-личных предложений. Авторы статьи обращают внимание на необходимость специального изучения концепции эксклюзивности и инклюзивности говорящего.

Ключевые слова и фразы: коммуникативная грамматика русского языка; эксклюзивность говорящего; инклюзивность говорящего; семантика односоставных предложений; неопределенно-личные предложения; обобщенно-личные предложения.

Чжан Юйпин, к. филол. н.

*Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Ганчжоу, Китай
yuyiping@inbox.ru*

Лишманова Татьяна Евгеньевна

*Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. И. Евдокимова
tania_filf@inbox.ru*

ОБ ИДЕЕ ЭКСКЛЮЗИВНОСТИ И ИНКЛЮЗИВНОСТИ ГОВОРЯЩЕГО

Работа выполнена при поддержке Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли (Китай).

本论文为2014年广东外语外贸大学高层次人才项目立项(非通用语项目)“俄罗斯功能语言学家佐洛托娃的交际语法研究”(GWTP-FT-2014-10)的阶段性成果。

1. Введение

Одними из основных понятий коммуникативной грамматики русского языка являются понятия эксклюзивности и инклюзивности говорящего. Коммуникативное направление занимает важное место в современной русской грамматической науке. В китайской русистике оно также обладает большой значимостью, привлекает особое внимание китайских русистов [16-18], составляет важную теоретическую базу лингвистических исследований [13-15; 19]. Необходимо отметить, что в Китае коммуникативная грамматика русского языка, в первую очередь, связывается с именем Г. А. Золотовой, которая «с полным основанием считается одним из пионеров функционального подхода в российской лингвистике» [4, с. 118] и «принадлежит к числу тех немногих лингвистов современности, которые создали свое направление в науке о языке» [5, с. 8]. Это направление ассоциируется с такими ключевыми синтаксическими понятиями, как синтаксема, модель предложения, синтаксическое поле предложения и др. Коммуникативная грамматика носит антропоцентрический характер, поскольку это грамматика, в фокусе которой находятся «говорящая личность и текст как результат речевой деятельности этой личности» [3, с. 486], а текстовый подход к языковым явлениям следует считать сильной стороной данной концепции, «поскольку таким образом в описание включаются многие важные с точки зрения употребления языка феномены» [4, с. 120]. Однако китайские русисты обращали мало внимания на такие важные понятия, как эксклюзивность и инклюзивность говорящего, разработанные Г. А. Золотовой для различения предложений с неопределенным и с обобщенным субъектами. Этим обуславливается актуальность настоящего исследования. Целью данной работы является выявление принципов разграничения предложений с неопределенным и с обобщенным субъектами неопределенно-личных предложений.

2. Постановка вопроса

В российской лингвистике неопределенно-личные предложения интерпретируются по-разному.

В «Русской грамматике» 1980 г. предложения типа *Звонят; Вас ждут*, организующиеся формой 3-го лица множественного числа глагола, соответствуют структурной схеме Vf_{3pl} и называются неопределенно-личными. Согласно «Русской грамматике» 1980 г., семантика схемы Vf_{3pl} – «наличие отнесенного к неопределенному субъекту действия... Специфика субъекта здесь состоит в том, что это или вообще всякий, любой, или кто-то (некто), или некоторые... Характер субъекта выясняется из контекста... в условиях конситуации неопределенность субъекта может сниматься, и субъект может мыслиться говорящим как вполне определенный, данный» [8, с. 356].

Из процитированного текста видно, что реализующие одну схему (Vf_{3pl}) предложения семантизируются неоднозначно, они могут быть по значению обобщенно-личными, или неопределенно-личными, или определенно-личными. Но критерий их различения в «Русской грамматике» 1980 г. не дается, т.е. неясно, в каких условиях субъект ситуации – всякий, любой, а в каких условиях субъект – некоторый. Когда именно неопределенность субъекта может сниматься и субъект может мыслиться говорящим как вполне определенный, данный? Существуют контексты, в которых трудно прояснить обсуждаемую характеристику субъекта – определенность, неопределенность, обобщенность. Например:

(1) *За полночь, на улице, около избушки, зашумели. Кто-то поднялся на крыльцо и искал скобу. Вошел Емельянов и еще двое* [12].

(2) *Во входную дверь негромко **постучали** условным сигналом... Егор пинком открыл дверь и вошел под марш* [11].

(3) – *А почему ты плачешь?*

– *Потому что радуюсь, что такие люди, как твой папа, бывают на свете.*

– *Вот и неправда!* – *пробормотала Маша. – От радости смеются.*

– *От маленькой радости **смеются**, – ответила мама, – а от большой плачут. А теперь спи* [6]!

С точки зрения формального структурного синтаксиса неопределенно-личными являются все предложения с формами *за шумели, постучали, смеются* в приведённых примерах, но исходя из уровня текста, т.е. из дальнейшей повествования, мы видим, что *за шумели* – несколько человек, а *постучали* – это только об одном, *смеются* – все и каждый, т.е. это всякий, любой человек. Во всех трёх случаях в качестве предикативного центра предложения употребляется форма 3-го лица множественного числа глагола. «Остаются актуальными поиски сходств и различий, которые значимы для участников коммуникации, использующих те или иные типы предложений» [3, с. 114].

В. В. Виноградов исследовал неопределенно-личные предложения в связи с проблемой образа автора в художественном тексте, анализируя стиль «Пиковой дамы», он писал, что в начале повести А. С. Пушкин «повторением неопределенно-личных форм *играли, сели ужинать* создает иллюзию включенности автора в это общество. К такому пониманию побуждает и порядок слов, в котором выражается не объективная отрешенность рассказчика от воспроизводимых событий, а его субъективное сопереживание их, активное в них участие» [2, с. 204-205].

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев интерпретируют предложения с неопределенно-личной формой глагола с точки зрения рассказчика. Они рассматривают семантику неопределенно-личных предложений с опорой на понятие отчуждения, а также отмечают, что в неопределенно-личном предложении субъект действия «не соотносится с лицом, находящимся в фокусе эмпатии» [1, с. 345], и что в актуальном времени форма 3-го лица множественного числа глагола указывает на позицию рассказчика, например:

(4) *Она навстречу, как сурова! Его не **видят**, с ним ни слова* [7, т. 4, с. 154]...

(5) *В красавиц он уж не влюблялся, / А волочился как-нибудь; / **Откажут** – мигом утешался; **Изменят** – рад был отдохнуть* [Там же, с. 68].

Синтаксическое 3-е лицо множественного числа в примерах (4), (5) подчёркивает оппозицию двух субъектных сфер; в фокусе эмпатии – конкретно-личный субъект, выраженный существительным в форме единственного числа, говорящей – и наблюдатель, и субъект знания одновременно.

3. Понятия эксклюзивности и инклюзивности: анализ примеров

Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова рассматривали неопределенно-личные предложения с точки зрения говорящего. Они отметили, что использование неопределенно-личных форм глагола в тексте позволяет обнаружить образ говорящего и его присутствие в хронотопе. Г. А. Золотова выявила неоднозначность семантики схемы Vf_{3pl} в «Русской грамматике» 1980 г., указала, что «теоретическая недостаточность оборачивается практическими трудностями» [3, с. 113], и предложила понятия эксклюзивности и инклюзивности для различения предложений с неопределенным и с обобщенным субъектами. «С точки зрения соотношения говорящего и действующего лиц предложения с неопределенным субъектом характеризуются признаком эксклюзивности, исключенности: говорящий не входит в круг возможных субъектов действия» [Там же, с. 117]. Понятие инклюзивности подразумевает вхождение говорящего в круг возможных субъектов действия. «Признак эксклюзивности и инклюзивности служит основанием противопоставления предложений с неопределенным и обобщенным субъектом» [Там же, с. 118]. Их можно проиллюстрировать часто встречающимися примерами из жизни:

(6) *Разговор двух учителей в коридоре:*

– *В классе (уже) **не шумят**.*

– *Да, работают.*

(7) *Учитель, обращаясь к ученикам:*

– *В классе **не шумят**.*

В примере (6) действие конкретное, совершающееся (не совершающееся) в данный момент; для учителей неважно, кто именно шумит (не шумит), и из контекста видно, что учителя не входят в число тех, кто шумит (не шумит), т.е. в предложении обнаруживается эффект эксклюзивности говорящего. Поэтому данное предложение является неопределенно-личным.

В примере (7) действие как бы оторвано от конкретного времени и конкретного деятеля. Учитель входит в число тех, кто не должен шуметь, значит, в предложении представлен эффект инклюзивности говорящего. Это высказывание-наставление, которое понимается так: Все (каждый), и в том числе мы с вами, не должны шуметь в классе. Поэтому данное предложение является обобщенно-личным. Приведём ещё примеры из жизни:

(8) *Улицу **переходят** на зеленый свет.*

(9) *С родителями **не спорят**.*

(10) *В читальном зале громко **не разговаривают**.*

Особенность предложений (8), (9) и (10) в том, что они не обозначают конкретных, наблюдаемых действий определенного субъекта; потенциальным субъектом этих действий оказывается не кто-то один, известный или неизвестный, а все люди, в том числе и говорящий. Рассмотрим ещё пример:

(11) *Дело в том, что эскизы **видели**. И они **понравились**. <...> Странная, неконкретная форма слов «видели» и «понравились» и особый нажим, с которым я их произнес, сообщали этим словам таинственное величие. Будто речь шла о некоем суждении, рожденном в неведомых надземных сферах, высказанном кем-то, чье мнение не подлежит критике* [10]...

В примере (11) предикаты разных конструкций *видели* и *понравились* справедливо обобщаются говорящим на основании неназванности их субъектов восприятия, оценки, мнения, а местоимение *они* в именительном падеже в предложении *И они понравились* обозначает не субъект, а объект оценки.

Посредством применения предиката, выраженного неопределенно-личной формой, говорящий может соединять два субъектных плана речи в рамках одного предложения в монологическом тексте, сближать свою позицию с позицией одного из героев, противопоставлять её позиции другого героя, вести диалог с ним, например:

(12) *Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали, а между тем требовали от нее, чтоб она одета была, как и все, то есть как очень немногие* [7, т. 5, с. 201].

В данном контексте представлены три субъекта: рассказчик, Лизавета Ивановна и неназванный субъект глагола – старая графиня. Автор организует «конфликт» интерпретаций одной и той же ситуации в разных субъектных сферах. Солидаризируясь с Лизаветой Ивановной, рассказчик не согласен со старой графиней. Значит, форма 3-го лица множественного числа глагола указывает на два субъекта мнения, которые противопоставляются третьему, не выраженному в предложении.

Применение неопределенно-личной структуры в художественном тексте даёт возможность рассказчику помещать свой «наблюдательный пункт» в пространственные и временные условия субъектов ситуации, входить в их число либо лишь незримо присутствовать, наблюдать со стороны, по праву автора. Однако в последнем случае он не объединяет свою позицию с позицией субъектов действия, сохраняет собственную позицию. При этом представлено значение эксклюзивности говорящего, например:

(13) *Все оживилось; здесь и там / Бегут за делом и без дела, однако больше по делам* [Там же, т. 4, с. 173].

(14) *Бывало, он еще в постели: к нему записочки несут* [Там же, с. 12].

В примерах (13), (14) форма 3-го лица множественного числа глаголов может интерпретироваться в связи с эффектом эксклюзивности. Но существуют иные случаи, когда неопределенно-личный предикат может быть связан с эффектом инклюзивности. Сравним примеры:

(15) *Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно; сели ужинать в пятом часу утра* [Там же, т. 5, с. 195].

(16) *Вчера играли здесь «Les enfants d'Edouard», и с большим успехом* [Там же, т. 7, с. 270].

(17) *Однажды человек десять наших офицеров обедали у Сильвио. Пили по-обыкновенному, то есть очень много; после обеда стали мы уговаривать хозяина прометать нам банк* [Там же, т. 5, с. 44].

Общим в приведённых примерах (15), (16) и (17) является то, что в них употреблена форма 3-го лица множественного числа прошедшего времени глагола, а также то, что они начинаются темпоральным наречием. Но и различия между ними очевидны.

Пример (15) – это начало «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Данный пример характеризуется инклюзивностью говорящего по отношению к субъекту действия. С одной стороны, в нем субъект речи входит в число субъектов действия, «почти рождает образ мы» [2, с. 205], поэтому неопределенно-личным назвать его нельзя. С другой стороны, это первое предложение текста, здесь отсутствует смысловая обусловленность предшествующим контекстом, поэтому нельзя считать его неполным. Неопределенно-личная форма глагола в тексте объясняется только тем, что рассказчик как бы находится среди своих героев, выступает как участник событий.

В примере (16) говорящий исключен из состава тех, кто играл пьесу, что вполне позволяет квалифицировать данное предложение как неопределенно-личное.

В примере (17) предикат в первом предложении выражается также 3-м лицом множественного числа, но это предложение двусоставное, группа подлежащего выражает коллективный субъект, и рассказчик, подполковник И. Л. П., включен в состав субъектов действия, поскольку он принадлежит к этому кружку офицеров, рассказчиком является персонаж. Второе предложение *Пили по-обыкновенному* является неполным, потому что его субъект – это субъект первого предложения.

Из вышеизложенного видно, что примеры (15) и (17) отличаются друг от друга. В примере (15) говорящий и субъекты действия принципиально сближаются, но не совпадают полностью. Доказательством этого служит завершающее предложение первой главы *В самом деле, уже рассвело: молодые люди допили свои рюмки и разъехались* [7, т. 5, с. 198]. Это предложение обнаруживает позицию незримого наблюдателя. А в примере (17) рассказчиком является сам персонаж, что и отличает его от примера (15).

В неопределенно-личных предложениях с обобщенно-личным значением обобщенный характер имеет не только лицо, но и время: здесь речь идет о действиях не конкретно-единичных, а обобщенных, повторяющихся. Подтверждение этому находим в пословицах:

От добра добра не ищут;

Не пером пищут – умом;

Цыплят по осени считают [9].

В пословицах обобщен многовековой опыт народа. И эта же обобщенность даёт возможность говорящему воздействовать на поведение собеседника: все так поступают или так думают, следовательно, и ты должен действовать так же. Говорим *Цыплят по осени считают* не ради информации о правилах птицеводства, а в осуждение или в предупреждение поспешных, преждевременных действий, суждений кого бы то ни было и когда бы то ни было.

4. Выводы

Подводя итоги, приходим к выводу, что эксклюзивность и инклюзивность говорящего позволяют эффективно разграничить предложения с неопределенным и с обобщенным субъектами. Признаком обобщенно-личного

предложения является не только инклюзивность говорящего – его включенность в состав тех, о ком идет речь (*Умную голову почитают смолоду* – все, и я в том числе), но и обобщенное временное значение (*От добра добра не ищут*). Неопределенно-личные предложения характеризуются эксклюзивностью говорящего (*В день рождения мне подарили компьютер* – кто-то, но не я).

Проведенный анализ показывает, что традиционная терминология формального синтаксиса неэффективна для интерпретации художественных текстов, в частности произведений Пушкина. Так, начальное предложение «Пиковой дамы» («*Однажды играли...*») нельзя отнести ни к неопределенно-личным, ни к неполным. Данное предложение можно перестроить в неопределенно-личное только путём изменения порядка слов: *Однажды у конногвардейца Нарумова играли в карты*. Однако в таком случае на смену авторскому «субъективному сопереживанию» приходит «объективное констатирование факта» [2, с. 204]. Думается, что китайским русистам следует уделять больше внимания понятиям эксклюзивности и инклюзивности говорящего при изучении односоставных личных предложений. Эти понятия обладают также прикладной ценностью в аспекте преподавания русского языка иноговорящим, в том числе китайским учащимся.

Список источников

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки славянской культуры, 1997. 576 с.
2. Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
3. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Наука, 2004. 544 с.
4. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
5. Онипенко Н. К. Г. А. Золотова в современной лингвистической науке // Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 8-13.
6. Паустовский К. Г. Растрепанный воробей [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/121449-rastrepannyj-vorobej.html> (дата обращения: 26.01.2017).
7. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Художественная литература, 1975.
8. Русская грамматика: в 2-х т. / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 2. Синтаксис. 710 с.
9. Русские народные пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary2.com/pogovorki/index.php> (дата обращения: 26.09.2017).
10. Шергова Г. М. Касание [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/shergova_galina/kasanie.html#0 (дата обращения: 15.10.2017).
11. Шукшин В. М. Калина красная [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/shukshin_vasilij_makarovich/kalina_krasnaya/read (дата обращения: 26.09.2017).
12. Шукшин В. М. Охота жить [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.su/read/129120-oxota-zhit.html> (дата обращения: 26.09.2017).
13. 鲍红 Г. А. Золотова 的理论体系, 中国俄语教学, 2000 (3) (Бао Хун. О теоретической системе Г. А. Золотовой // Русский язык в Китае. 2000. № 3. С. 13-19).
14. 王铭玉 俄语学者对功能语言学的贡献, 外语学刊, 2001 (3) (Ван Минью. Вклад русских учёных в функциональную лингвистику // Исследования иностранных языков. 2001. № 3. С. 42-53).
15. 王铭玉, 于鑫 佐洛托娃的句子模型理论, 外语教学, 2009 (1) (Ван Минью, Юй Синь. Теория моделей простых предложений Г. А. Золотовой // Преподавание иностранных языков. 2009. № 1. С. 14-20).
16. 吴贻翼 试谈现代俄语中简单句模型的概念, 中国俄语教学, 1999 (3) (У Ии. О понятии моделей простых предложений в современном русском языке // Русский язык в Китае. 1999. № 3. С. 5-9).
17. 华劭 对几种功能主义的简介和浅评, 外语研究, 1991 (2) (Хуа Шао. Краткий обзор и оценка нескольких подходов в функционализме // Изучение иностранных языков. 1991. № 2. С. 1-10).
18. 华劭 语言的功能与功能研究, 外语学刊, 1994 (1) (Хуа Шао. Функции языка и их исследования // Исследования иностранных языков. 1994. № 1. С. 1-7).
19. 赵爱国 当代俄罗斯人类中心论范式语言学理论研究, 北京: 北京大学出版社, 2015. (Чжао Айгуо. Антропоцентрическая парадигма современной российской лингвистики. Пекин: Пекинский университет, 2015. 320 с.).

ON THE IDEA OF EXCLUSIVITY AND INCLUSIVITY OF THE SPEAKER

Zhang Yuping, Ph. D. in Philology
Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China
yuyuping@inbox.ru

Lishmanova Tat'yana Evgen'evna
A. I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry
tania_filf@inbox.ru

The paper considers the idea of exclusivity and inclusivity of the speaker in relation to the Russian one-member verbal sentences. The necessity of consideration of this category in the study of semantics is substantiated. Semantic ambiguity and principles of differentiation of sentences with indefinite and generalized subjects of indefinite-personal sentences are characterized. The authors draw attention to the need for the special study of the concept of exclusivity and inclusivity of the speaker.

Key words and phrases: communicative grammar of the Russian language; exclusivity of speaker; inclusivity of speaker; semantics of one-member sentences; indefinite-personal sentences; generalized-personal sentences.